

25 сентября исполняется 316 лет району Лефортово. И 16 лет — отделу «Музей истории «Лефортово» Музея Москвы. В нем хранятся материалы по истории Немецкой слободы. Это был уникальный уголок Западной Европы в русской столице второй половины XVII века. Слобода и ее обитатели оказали огромное влияние на становление личности Петра I. О том, что пришло в столичную и вообще русскую жизнь с правого берега Яузы, рассказывается во втором материале из серии «Иностранцы в Москве».

Изба под штукатуркой

Традиция строить прямые улицы пришла из Немецкой слободы

Известна дата создания Немецкой слободы. А вот определить, когда она прекратила существование, нельзя. Слобода понемногу теряла свою специфику и словно растворялась в городе.

И рака бросили... за реку

К середине XVII века в Москве проживало немало «немцев», то есть иностранцев. Их привлекала возможность вести торговлю, сделать карьеру военного или медика, заработать дефицитным в России ремеслом. К 1637 году насчитывалось не меньше 167 иноземных дворов.

Из них 77 располагались в районе Покровки, — говорит Владимир Дельвиг, кандидат исторических наук, начальник отдела «Музей истории «Лефортово». — Много дворов западноевропейцев было в районе Огородной слободы (территория между Покровской, Мясницкой улицами, Чистыми прудами и Садовым кольцом).

Отношения с горожанами у «немцев» складывались не гладко. Московские простодушники о модном ныне понятии «толерантность» не слышали. Да и чужеземцы не отличались уважением к местной культуре. Копились взаимные обиды. «Немцев» часто оскорбляли на улицах (даже несмотря на то, что царь обещал пороть за такие выходки). Православное духовенство раздражало то, что в центре города строят протестантские «кирхи» (церкви), оно боялось распространения западноевропейской «ереси» среди московского населения.

4 октября 1652 года царь Алексей Михайлович издал указ, по которому «немцам», не желавшим принимать православие, выделялась земля за Яузой. На переселение давалось 8 недель.

— На новом месте участки под дворы давались без всякой оплаты, — говорит кандидат исторических наук Вера Ковригина, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ, автор книги «Немецкая слобода Москвы и ее жители». — На казенный счет были перевезены из Москвы дворные постройки, так как строения были почти все деревянные и легко разбирались.

Иностранцы переселению обрадовались. И не только потому, что русское правительство не причинило им материального ущерба. Им надоели как улюлюканье мальчишек на улицах, так и соседство с русскими избами. Такой дом может в любой момент загореться, а пламя перекинется к тебе во двор. Путешественник Адам Олеарий, побывавший в России, писал в 1656 году: «Большинство немцев говорят, что <...> отделение от русских домов и ежедневных сношений с русскими было им столь же больно, как, например, было бы для рака утопление его, ради наказания, в воде».

На мушкетный выстрел

Попаст в Немецкую слободу можно было только через охраняемые пропускные пункты.

— До конца XVII века Немецкую слободу с противоположным берегом Яузы связывали три переправы: паромная у острова, граничившего с землей села Покровского, Королевский брод — ниже по течению Яузы и Салтыков мост, — рассказывает Вера Ковригина. — От Земляного Вала Москвы слобода находилась примерно в получасе ходьбы или, как определяли сами иноземцы, лежала от города «на добрый мушкетный выстрел». Попаст в нее можно было от Покровских ворот по дороге через Старую Басманную слободу и Гороховое поле. Или через Новую Басманную слободу к дворцовому селу Покровскому и по его Большой улице — она переходила в Большую улицу Немецкой слободы.

Сразу после заставы начинался настоящий немецкий городок с прямыми (правда, немощеными) улицами и опрятными домиками. В них сочетались русские и европейские черты: дома строились из бревен, но снаружи покрывались штукатуркой, а крыша застилалась черепицей.

— В Европе основным строительным материалом служил кирпич и камень, но в Москве проще было купить на рынке сруб, — говорит Владимир Дельвиг. — К тому же в каменном доме холодно, а печное отопление тогда было далеко от совершенства.

Перед домиками были палисадники с клумбами — невиданное дело для тогдашней Москвы.

— До петровских преобразований цветы, конечно, использовались в быту в различных обрядах и целительстве, — сообщает историк, специалист по этикету Элеонора Басманова. — Но не было традиции выращивать их ни в комнатах, ни в палисадниках.

К 1702 году Немецкая слобода насчитывала около 2 тысяч жителей — 2% от тогдашнего населения Москвы. Большинство в ней составляли выходцы с севера Германии, но было немало голландцев, англичан, шведов.

— Язык, на котором общались жители, видимо, сформировался на основе северных немецких диалектов с примесью голландских слов, — говорит Владимир Дельвиг.

В слободе с самого начала было две лютеранские кирхи и одна реформатская. А вот католический храм построили только в 1698 году, уже после воцарения Петра. — Власти не хотели давать католикам возможности укорениться в России, — объясняет Владимир Дельвиг. — Считалось, что они наиболее склонны к религиозной пропаганде. Неприязнь к католикам обостряли и постоянные конфликты с Речью Посполитой, где притесняли православное население.

Скачок к немецкой геометрии

Простому народу дорога в Немецкую слободу была заказана. А вот русская знать общалась с иностранцами свободно и еще за несколько десятилетий до реформ Петра Первого стала перенимать некоторые западные тенденции в быту и в одежде. — Московские дворяне покупали шляпы, шпаги, в их до-

Аптекарьский переулок в наши дни. Назван в честь первой частной аптеки, открытой в 1701 году Готфридом Грегориусом (1) Александр Бенуа. В Немецкой слободе. Отъезд царя Петра Первого из дома Лефортово. 1911 (2) Сергей Иванов. Приезд иностранцев в Москву XVII столетия. 1901 год. (3) Готфрид Кнеллер. Петр I. 1698 год (4) Франц Лефорт (портрет конца XVII века) (5) Августин Мейерберг. Костюмы жителя и жительницы Немецкой слободы в 1661 году. 1674 год (6)

мах появлялись часы, картины, музыкальные инструменты, мебель европейского образца, — перечисляет Дмитрий Безьеф, заведующий сектором в отделе «Музей истории «Лефортово». — В России все новшества перенимает в первую очередь аристократия, а потом они понемногу переходят и в жизнь обычных людей. Немецкая слобода укрепила у Петра любовь ко всему западноевропейскому и отчасти послужила образцом для будущего переустройства русского быта.

— Влияние Немецкой слободы отразилось на облике российских городов, — приводит пример Владимир Дельвиг. — В них начали строить дома по красной линии, изменился

архитектурный образ домов господствующих сословий. Постепенно укоренилась традиция проведения триумфальных маршей, которые в XVIII веке заканчивались в Немецкой слободе — московском оплоте новой, европеизированной власти. На правом берегу Яузы были заложены и традиции современного школьного образования. Еще до реформ Петра московские бояре, наблюдавшие на немецкие семьи, стали приглашать к своим детям частных учителей латинского языка (в то время это был язык науки и международного общения в Западной Европе). В 1698 году немецкой знатных дворянских семей отравили сыновей учиться в католическую шко-

лу Немецкой слободы. И юнши показали себя отнюдь не Митрофанушками. — Русские ученики находились на положении интернов, т.е. жили при школе в специально отведенных помещениях, — рассказывает Вера Ковригина. — Им преподавали латинский, немецкий и в широком объеме математику — предмет, которым они занимались с особым удовольствием. Иноземные наставники вынуждены были признать успехи своих способных и действительно прекрасных учеников». Пожалуй, только одна черта русских вызвала у них неудовольствие — та, что они не хотели «учиться по порядку, с самых первых начал», поскольку «весь этот народ не

терпит медлительности». Уже на следующий год после начала занятий русские юнши «дошли до решения треугольников», а затем, «пройдя все трудности Эвклида и тригонометрии и по окончании геометрии», принялись за алгебру.

Всех впускать

С конца XVII века Немецкая слобода начала расширяться — стали осваивать и левый берег Яузы. Франц Лефорт стал в 1692 года командиром Первого московского выборного полка солдатского строя. Под его началом в 1692–1695 годах была построена Новая солдатская, или Лефортовская, слобода — военный городок из

Кстати

Компактные поселения иноземцев в Москве существовали с начала XVI века. Однако об истории ранних «немецких слобод» осталось совсем мало сведений.

● Великий князь Василий III (правил с 1505 по 1533 г.) отдал служившим ему иноземцам участок в Замоскворечье, в районе нынешних улиц Мытная и Шаболовская. Слобода получила название Наливки. По одной из версий, потому, что там было много кабаков. Иностранцы воем пользовались правом бесплатного производить спиртные напитки и торговать ими. В 1571 году Наливки были сожжены во время набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея. Об истории этой слободы сегодня напоминают названия 1-го и 2-го Спасоналивковских переулков.

● В конце 1560-х — начале 1570-х годов на правом берегу Яузы (район современной Бауманской улицы) была основана Старая Немецкая (Иноземная) слобода. Ее заселяли пленными, захваченными на Ливонской войне 1558–1583 гг. В слободе дважды, в 1578 и 1581 годах, устраивали погромы, а в 1610 году, во время Смуты, ее сожгли дотла. Уцелевшие иноземцы разбегались по другим районам Москвы.

500 домов. В 1707 году на левом берегу Яузы был построен Московский госпиталь (ныне Главный военно-клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко).

— Это было первое постоянно действующее медицинское учреждение с лекарской школой для подготовки среднего медицинского персонала, — говорит Владимир Дельвиг.

Немецкая слобода понемногу переставала быть закрытой. Итальянский певец Филиппо Балатри, живший в России в 1699–1701 годах, писал: «Можно было видеть целые толпы женщин, отправляющихся в слободу с целью выучиться шить рубашки, чепцы и муфты, стричь волосы, делать завивку и пудриться, закрашивать и расширять платя, крахмалить, гладить, стирать, брить и не знаю, что еще».

12 апреля 1702 года Петр Первый разослал в страны Западной Европы «Манифест о вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания». Теперь они могли селиться в любых районах города. И Немецкая слобода понемногу стала терять свое значение.

А с 1703 года центр политической жизни был перенесен в Санкт-Петербург, туда же в основном устремились и приезжавшие в Россию иностранцы. В Немецкой слободе стали появляться дома русских вельмож, дворян и купцов.

В 1812 году великий московский пожар уничтожил старую застройку Немецкой слободы. Из жилых зданий сохранился в сильно перестроенном виде только так называемый Дом Анны Монс в Старокирочном переулке, 6.

— На самом деле это дом голландских медиков Ван-дер-Гульстов, которые были личными врачами Алексея Михайловича и Петра Первого, — рассказывает Дмитрий Безьеф. — Легенда про Анну Монс появилась не раньше перестройки.

Немецкая слобода ушла в историю, но не исчезла. Она воплотилась во всех тех новых чертах, которые в свое время москвичи подглядели у обитателей правого берега Яузы. В каждой прямой улице, в каждой школе, каждой больнице. И в каждой клумбе у каждого подъезда.

Кандидат филологических наук, член Союза журналистов России. Любит портить глаза в библиотеках и дышать пылью в архивах.

